

На следующий день.

Мари торопливо бежала по лесной дороге, ведущей к особняку Шайлока.

Цвет ее лица изменился.

В ее руке был кожаный мешочек, наполненный звонкими медными монетами.

Это были деньги, подброшенные ей Шайлоками.

Пока ее не было, один из служащих Шайлоков сильно надавил на отца Мари.

Под давлением высокого и сильного служащего отец Мари получил целый ворох медных монет. Также было дано понять, что люди с таким разным статусом все равно не подойдут друг другу, поэтому их отношения следует прекратить. А для бедного отца этот звон медных монет казался таким неотразимым.

— Почему я?! Я только вчера обещала Этельриду, что никогда его не брошу!

Когда Мари вернулась домой, кровь ее застыла. Она накричала на отца и схватила мешок с монетами.

Она бросилась из дома к Шайлокам, чтобы вернуть мешок, и ни разу не оглянулась.

Мари всегда была такой теплой девочкой, но теперь у нее был почти угрожающий вид, и, когда отец стал оправдываться, она побежала по тропинке.

— Господин Этельрид! Я никогда не предам вас!

Она отчаянно пыталась выполнить данное ему обещание.

Она представила себе его лицо, каким оно было вчера: встревоженным, заплаканным, страдающим.

И при воспоминании о своем обещании грудь ее снова стала горячей.

Ничто не омрачало его вчерашней улыбки.

В голове Мари были только мысли об Этельриде.

Поэтому она не обратила внимания на слабый звук шагов позади.

Она не успела понять, что произошло, как кто-то налетел на нее.

— Что за...?

Она повернулась с выражением ужаса на лице.

Перед ней стоял дрожащий мальчик и смотрел прямо на нее.

Оборванная одежда. Истощенный. В его руке был зажат ржавый нож.

Кончик ножа был испачкан кровью.

— Ты...

Через секунду она почувствовала, как по телу прошла волна боли.

Как будто тело изнутри поджаривали раскаленным прутом железа.

Ноги ослабли, и она зашаталась. Она привалилась спиной к стволу дерева и заскользила вниз, изо всех сил пытаясь устоять на ногах.

Кожаная сумка вылетела из рук, и из нее высыпалось несколько монет.

Вдруг она увидела, как лужа красной крови растеклась по ее талии, медленно заливая одежду.

— Почему...

Мальчик прыгнул на кожаную сумку и прижал ее к груди.

На одинокий вопрос Мари мальчик поднял глаза и ответил.

— Теперь я наконец-то смогу дать немного хлеба своим сестрам! Мы не ели уже несколько дней!

Это был тоненький крик, чуть не захлебнувшийся кровью.

— Мне сказали, что здесь пройдет какая-то девушка с большими деньгами.

Она до боли закусил губу. Она была загнана в угол и должна была умереть.

— Я... я поняла... почему...

Она все поняла.

В памяти всплыла фигура этой проклятой Амброзины и ее мерзкий смех.

Она пыталась собраться с силами, но слабость постепенно охватывала ее.

Лезвие задело внутренние органы, и кровотечение не останавливалось.

В это время со стороны дороги послышался крик.

— Помоги-и-ите! Кто-нибудь! Кто-нибудь! Помогите!

Кричала женщина средних лет с опущенной корзиной.

Она столкнулась с ними и, увидев Мари, всю в крови, с мальчиком и пропитанным кровью ножом, быстро поняла, что произошло, и позвала на помощь.

Теперь уже издали послышались голоса мужчин, приближающихся по тропинке.

Лицо мальчика было бледным от страха.

Убийство и грабеж означали повешение или удар мечом по шее, независимо от возраста.

Тогда его младшие сестры тоже умрут с голоду.

Мари несколько раз моргнула.

— ...пожалуйста, уходи...

— ...но...

Она зажмурилась от боли и снова сказала, уже громче.

— Уходи! Быстрее! С сумкой! Пока никто не пришел!

Затем она улыбнулась ему.

— Я в порядке... помоги своим сестрам...

Рот мальчика опустился, в глазах появились слезы, он поклонился и скрылся в лесу.

Проследив за его исчезновением, она глубоко вздохнула и посмотрела в небо.

Лазурное небо над зеленеющими верхушками деревьев... красиво.

От боли она теряла сознание, и оно вот-вот должно было покинуть ее.

— Интересно... если бы я жила... как подобает человеку...

Чувства отказывали, но она слышала свои собственные слова.

— Я... хотела снова увидеть... Этельрида...

Теперь это бесполезно. Теряю сознание...

Мне кажется... что мое лицо... выглядит ужасно.

Если я умру... со страданиями на лице... Этельрид будет... опечален.

Я должна улыбнуться. Я не могу писать слова, поэтому моим последним посланием будет улыбка.

Он сказал, что любит мою улыбку.

Это была короткая жизнь, но я очень счастлива, что прожила ее... со всеми чувствами, которые испытывала.

Обидно, что я больше не увижу его улыбки.

Мое обещание оказалось ложью. Я больше не смогу гулять с ним.

Но я могу всегда наблюдать за ним.

И пусть я умру рано, но у меня все равно был шанс полюбить его, даже за его уязвимость и

доброту.

Интересно, достаточно ли хорошо я улыбаюсь для вас...

Можете ли вы сказать, что я была счастлива?

Спасибо, господин Этельрид.

И прощай, мой любимый Этельрид.

Мне очень нравилась твоя улыбка.

Так что продолжай смеяться... будь счастливее всех остальных.

Мой любимый Этельрид.

Я показываю свои чувства?

Правильно ли я улыбаюсь?

Я люблю твою улыбку... зная тебя... это действительно так...

И с умиротворенным выражением лица, с последней улыбкой, она испустила последний вздох.

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

Этельрид никогда так сильно никого не оплакивал, как ее.

— Теперь я ничто... я... мертв! У меня больше ничего нет!

Закричав и сжав ее, он держал ее труп и, ничего не говоря, не двигался с места. Он просто смотрел вперед, вытирая слезы, обнимая ее, чувствуя, как исчезает ее тепло, пытаясь остановить его.

Услышав новость, Этельрид побежал к ней и нашел ее словно спящей, прислонившейся к дереву.

Если бы не платье, окрашенное кровью, могло бы показаться, что она дремлет.

Это была настолько мирная смерть, что она подействовала на всех, кто ее видел.

Люди сразу же пожалели ее.

С другой стороны, приехал ее отец и быстро разразился рыданиями.

— Если бы я только не взял эти медные монеты! Я был ослеплен жадностью! Она была так важна для меня! Я был так глуп! Прости, моя Мари! Прости меня!

Он бил кулаками по земле и рыдал.

Все люди вокруг, видевшие происходящее, были подавлены.

Некоторые плакали и вытирали глаза.

Некоторые знали об их любви и поддерживали их, пришедших из таких разных домов.

Все вокруг было пронизано печалью, но теперь появился незванный гость, который нарушил ее.

— Боже, почему все собрались здесь? Неужели какого-то дикого кролика зарезали?

Голос нарушил торжественность толпы.

Амброзина торопливо подошла к месту происшествия.

Если бы Амброзина избегала этого места, то было бы еще страннее, если бы она случайно на него наткнулась, так она думала.

За ней последовал ее брат Декстер.

Амброзина с фырканьем смотрела на смерть Мари.

— Ах, это швея, которая часто приходит к нам в дом... она умерла так мирно. Моя...

И, оставив эту сцену, она со скучающим видом наклонилась, чтобы поднять упавшую на землю медную монету.

— Ну, похоже, она нашла несколько медных монет, поэтому она счастлива. Я очень завидую беднякам, потому что они могут найти счастье, имея так мало.

Из-за этих слов все остальные потеряли способность реагировать.

При этих отвратительных словах несколько серебряных монет были брошены отцу Мари, который в оцепенении смотрел на них.

— Она была так молода... печально... Вы ведь её отец, верно? Примите мои соболезнования. Не сдерживайтесь, примите их.

Декстер, бросивший серебряные монеты, сказал с усмешкой.

Сумма, которую Дезмонд хотел дать Мари, была в сто раз больше... сумма, переданная отцу, была слезой в океане.

— ...ты, ублюдок! Мне ничего из этого не нужно!

Декстер снова с усмешкой посмотрел на разъяренного отца, который бросил монеты обратно.

— Я могу взять их обратно... Но у вас есть деньги, чтобы оплатить похороны?

Отец испуганно поднял голову.

Он был бедным человеком, и слова Декстера усугубили его боль.

— Умереть такой молодой, и вдобавок не суметь позволить себе похороны... Дочери это не понравится.

Зная, что это правда, Декстер выкрикнул эти слова с еще большей насмешкой.

Губы отца задрожали.

— Если бы кто-то взял деньги с самого начала, возможно, девочка не умерла бы. А теперь, похоже, виновный отец не может даже устроить ей похороны.

И это был последний поворот кинжала.

Отец попытался бросить монеты обратно, но вцепился в них и в конце концов упал на землю, рыдая в грязь.

Все были возмущены таким обращением со стариком и забыли о своем страхе перед могущественным Шайлоком.

Все уставились на этих двоих... Амброзину и Декстера.

Разумеется, брат и сестра стояли с железным лицом, ничуть не удивленные такой реакцией.

— Ох, даже у бедняков есть похороны. Я уж думала, что они просто выкапывают яму в земле и пинают туда труп. Но для безымянных бедняков могила действительно мало что значит, — сказала она, обращаясь к толпе с насмешкой.

Амброзина была тем самым дьяволом, который нашел мальчика у голодающих сестер и соблазнил его зарезать Мари, не испытывая ни малейшего зуда сожаления по поводу заговора. Ни один нормальный человек не мог предложить такие злые дела. Только человек с таким огромным эго и таким маленьким состраданием мог придумать такое.

— ...заткнитесь.

Этельрид молчал до этого момента, но теперь не мог больше сдерживаться.

Его слова были сказаны негромким голосом, но были отчетливо слышны.

Амброзина не могла ответить, настолько сильно они были сказаны.

Декстер забыл усмехнуться.

Этельрид просто смотрел на них своими темными светящимися глазами.

Он все еще рыдал, прижимая к себе мертвое тело девушки.

— Не издевайтесь над Мари. Она была самым достойным человеком из всех, кого я знал... а такие отбросы, как вы, Шайлоки, все еще живут.

Старшие брат и сестра сделали шаг назад, побледнели и задрожали.

Этельрид плакал кровью... нет, он так сильно надавил ногтем большого пальца под глазом, что прорвал кожу.

Затем он с огромной силой провел по лицу от нижнего века до подбородка... раздался ужасающий звук.

Казалось, что рука доходит до кости.

Ногти и кожа были содраны. Его лицо стало бордовым.

— Из-за того, что я Шайлок... Я только познакомился с ней... и она УМЕРЛА! Это все моя вина! Моя!

<http://tl.rulate.ru/book/48104/3195643>